

...И ВЕЧНЫЙ БОЙ

Штрихи к портрету
Николая Крючкова

НЕТ-НЕТ, ДА и раскрутится вдруг на экране старая кинолента, и, может быть, нам, сегодняшним зрителям, герой ее, отодвинутый десятилетиями, покажется слегка наивным, и мы про себя улыбнемся, ощущая воочую, как быстро меняются жизнь и люди, меняющие ее. Да, годы так отчаянно мчатся, что, оглянувшись однажды, память не успевает догнать уплывающее. И все же, отступая в прошлое вместе с молодыми героями Бориса Чиркова или Бориса Андреева, Петра Алейникова или Николая Крючкова, мы понимаем сердцем и чувством: то время продолжает жить.

Николай Крючков пришел на экран так же естественно и смело, как на первую кинопробу. Когда режиссер Б. Барнет увидел Крючкова на сцене Московского театра рабочей молодежи (ТРАМ, как его называли кратко — что-то похожее на припев беззаботной песенки), он решил непременно попробовать его на роль Сеньки-сапожника в фильме «Окраина»...

— Ох, как весело, бурно мы тогда жили, — и Николай Афанасьевич будто поманил пальцем слегка заретушированное воспоминание, усадил его рядом и подмигнул лукавым глазом. — Откуда нас только ни набирали в новый театр, кого с Пресни, кого из Мытищ... Я на «Трехгорке» служил гравером-накатчиком. Интересно! Идешь по улице — девушки навстречу нарядные, да все знакомые вроде бы какие-то... К одной так подошел, тронул за рукавчик: наш, говорю, ситчик-то... Отскочила как от ненормального! Работа у меня была больно уж спокойная, а я на месте усидеть не мог. Ну что ты будешь делать — завелся «озорник» внутри, и сейчас там, — и так он это сказал, будто слово «озорник» самое что ни на есть родственное «зорям». Где уж, действительно, было угнаться зорям за бесконечными его занятиями, всевозможными выдумками. Как успевал-то все в окружающей жизни перенимать, усваивать, примеривать к себе. И работал с душой, и спортсмен был «отъявленный» — не каждый мог лихо, как он, на одном коньке съехать прямо к проходной фабрики или мяч послать в

угол ворот, и спеть ничего не стоило, и сыграть, и смешно представить какого-нибудь знакомого, уморив до колик соседей, за что его уважительно величали «Колькой-артистом», ну а плясать-то еще в детстве у цыган научился...

— Но когда в кино меня позвали, одурел от радости, сколько раз тайком подумывал, на экран глядя с нашими пресненскими пацанами: вот бы мне сняться, а что — смогу! Вон о чем мечтал, в такое-то время... Я ведь когда в первую экспедицию съемочную поехал, впервые второе ел, нас восемь душ у матери было, и она всегда одно блюдо варила — похлебку... Да что там — только я с братом у нее и выжили — тиф скопил остальных...

Как бы ни было важно и удачно для творческой биографии Николая Крючкова его кинокрещение, настоящее, прямо-таки всенародное признание принесла ему роль Клим Ярко в «Трактористах» И. Пырьева. Вот он, бывший танкист, за рулем трактора — обаятельный, веселый, умеющий работать так же горячо, как и петь. Пожалуй, одним из первых советских актеров Крючков заговорил с экрана с людьми, может быть, и незатейливо, но по-земному, искренне. Именно Клим Ярко в актерской судьбе Крючкова, да и вообще в истории советского кинематографа, родил тип нового социального героя, который потом раскрывался, разрабатывался шире и глубже, но корни которого, стержень, природа не пропадали во времени, как звенья в непрерывной цепи.

— Вы что же думаете, Государственную премию мне дали за то, что я такой красивый, — смеется Николай Афанасьевич, — дело сделал полезное, дело... После «Трактористов» сотни юношей и девушек пошли в деревню, работать хотели, как Ярко.

А первый свой орден Николай Крючков получил еще в 1938 году за роль коменданта погранза-

ставы Тарасова в картине «На границе». Так и вышел он в пасмурный день, ошарашенный, прижимая к груди коробочку, которую ему вручил М. И. Калинин. Так и домой пришел, в свое общежитие, в спальню № 57, а дорогой ему казалось, что все вокруг солнцем залито и улицы шепчутся.

Да, не так уж просты они были, герои тридцатых и сороковых годов, сыгранных, нет — прожитых Николаем Крючковым. И жизнь их была непроста, и удачи давались им не так-то легко. Они думали о жизни кренко, правда, чаще «про себя». Но действуя, живя, любя, они думали, как эту жизнь лучше сделать. Потому так и верили зрители этим героям, что ощущали себя заодно с ними, потому и учились у них, подражали им. Вспомните, какими скупыми, но точными штрихами нарисовал актер образ Сергея Луконина в фильме «Парень из нашего города». Образ мужественный и скромный, честный и благородный, вобравший в себя все лучшие душевные свойства советского человека — патриота и интернационалиста.

В самой природе Николая Крючкова — актерской и человеческой — заложена склонность к активному и стремительному действию. Ничего — ни в работе, ни в жизни — он не признает и не признавал вполнину, вполшага. В войну, как определил он сам, «в это обостренное время обостренных чувств», буквально не отходил от кинокамеры, снимался много, с полнейшей отдачей, однажды не спал двадцать шесть суток подряд... В его «фронтовом» багаже и роль Сафонова в картине В. Пудовкина «Во имя Родины», и Горлов в фильме по пьесе А. Корнейчука «Фронт», и неунывающий солдат Антоша Рыбкин из комедии К. Юдина, и две совершенно разные роли в киноленте А. Файнциммера «Котовский» — соратник боевого командира и одесский жулик... И везде

он работал честно, страстно, в лучших своих ролях утверждая все тот же оптимистичный, жизнелюбивый, цельный характер советского человека. Казалось, тот же Клим Ярко или секретарь горкома комсомола Андрей Саонов, с молодым азартом строивший новый город в фильме С. Герасимова «Комсомольск», совершенно естественно, даже ожидаемо пересел с трактора на танк или за штурвал самолета. Руки его Героя, умеющие и привыкшие строить, с такой же деловой решимостью трудились в боях, а юмор его, его шутки продолжали действовать на зрителей, как лучшее лекарство.

...Нет, он никогда не забудет, как выступал перед ранеными в бакинском госпитале: и сейчас он видит глаза в глаза тех двоих солдат, молоденьких совсем, две руки у них — на двоих, и хлопают в две руки, хохочут до слез, а у него — комок в горле... Не мог он не по-настоящему воевать в своих фильмах.

— На съемках «Фронта», — вспоминает Николай Афанасьевич, — мой Сережка Горлов один на один с гранатами на танк выходит. А что, Коля, сказал вдруг Сергей Васильев, не слабо и в самом деле под танк лечь? Надо, так лягу — отвечаю. Вырыли ямку, куда я должен был вовремя упасть, как только машина на меня наедет, упасть, всю ненависть выплеснув в последнем крике: «Врешь! Не пройдешь!»... Но потом, когда откопали меня из той ямки, настоящий страх навалился — ведь действительно под танком лежал... А в момент съемки все было отключено, одна задача — врага не пропустить...

И уже в мирное время множество раз приходилось Николаю Крючкову носить на экране военную форму, драться за идеалы революции в первые годы Советской власти — достаточно называть хотя бы роль комиссара в «Сорок первом» или Генерала в фильме «Баллада о солдате» Г. Чухрая, — и каждый раз,

словно в том горловском бою, актер подчинял все свое мастерство, все чувства главному — выиграть сражение за человека.

По сей день продолжается этот бой. Прожито семь десятилетий, сыграна сто третья роль. Что же стало с его, крючковским, Героем, который шел через годы с рабочей окраины в наш «поумневший» век, шел, набираясь жизненного опыта и мудрости, в чем-то ошибаясь, чего-то стыдясь, и, если случалось упасть, поднимался, судил себя по самым беспощадным законам совести... Да, он внутренне остался прежним — открытым, нестигаемым, обыкновенным рабочим человеком, можно сказать, пространственным, и в то же время незаурядным — с особой какой-то неуспокоенностью, равнодушием, сердечностью. Это все тот же покоривший когда-то зрителей образ, только в движении, в развитии, в новых исторических обстоятельствах. И в недавних фильмах мы узнаем его сразу — будь то старый боевой офицер («Когда наступает сентябрь») или шофер такси, всегда готовый помочь людям, умеющий их понять («Горожане»), прямой и бескорыстный сосед дядя Коля («Осенний марафон») или бригадир Семен Панченко, один из тех скромных, трудолюбивых людей, на которых земля держится («Особое задание»). Узнаем по неповторимому голосу, глазам, улыбке, паузам и — по душевному состоянию. Достоинство делать дело и любить человека, близкого и дальнего, — такова первая жизненная заповедь народного артиста СССР Николая Крючкова и тех людей, которых он изображал. В этом главном актер и его герои неразделимы.

— Частенько я слышу в последнее время: мол, современный кинематограф стал мыслящим, — голос Николая Афанасьевича обрывает взволнованность натянутой струны. — А разве «Чапаев», «Броненосец Потемкин» — не мыслящий? Нельзя мысль отделять от чувства, от сердца. Да,

жить мы стали лучше — не спорю, и умнее, информированнее стали люди, и научно-техническая революция их изменила — тоже верно. И все равно машины — это только фон. Так покажите мне на экране Человека, а не мыслящего робота. Чувствовать должен человек, чувствовать — без этого никуда. Современный герой, как я его вижу, — характер сильный, и людей таких в жизни много. Не надо ничего придумывать — лучше жизни ничего нет, и школы лучше нет. Человек по своему укладу — сознательный хозяин на земле — вот что надо напоминать ему и в нем воспитывать.

Я так думаю: прожил первую свою половину. Какая будет вторая — сказать затрудняюсь, но «на печку» не собираюсь, покопаюсь еще в человеке...

Когда верстался номер, пришло сообщение, что народному артисту СССР Крючкову Николаю Афанасьевичу присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением ему ордена Ленина и Золотой медали «Серп и Молот». Мы искренне поздравляем Николая Афанасьевича с этой наградой!

Т. ИСАКОВА.